

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 6. С. 100–111.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 100–111.

Научная статья
УДК 141.1:316.77
DOI: 10.37482/2687-1505-V479

Умная социальная память как продуктивная сила метаверса

Оксана Игоревна Елхова^{1✉}

Евгения Юрьевна Макулина²

¹Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

e-mail: oxana-elkhova@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5052-5935>

²Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,

e-mail: enuwka@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1433-395X>

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению феномена умной социальной памяти как онтоотехнической силы, формирующей субъектность и реальность в цифровой среде метавселенной. Уделено внимание трансформации памяти, которая в метаверсе утрачивает статус хранилища фиксированного прошлого. Так возникает новая форма темпоральности, при которой прошлое становится результатом цифровой актуализации настоящего. Алгоритмическая природа цифровой среды делает прошлое множественным, редактируемым и подвижным, что свидетельствует о формировании ретроактивной онтологии, где бытие обусловлено не хронологией, а цифровой репрезентацией. Выделены и сопоставлены понятия цифровой, социальной и умной социальной памяти. Последняя представлена как гибридная структура, сочетающая алгоритмическое управление с социальной и культурной направленностью. В этом качестве она выступает актором, создающим новую субъектность и выполняющим функцию распределенной власти, структурирующей доступ к прошлому и определяющей его онтологическую значимость. Умная социальная память действует как архонт – цифровой распорядитель, решающий, что подлежит сохранению, а что исключается из коллективного восприятия. Авторы формулируют тезис «быть – значит быть зарегистрированным в памяти». Умная социальная память, объединяющая алгоритмическую обработку, коллективную репрезентацию и индивидуальный опыт, выполняет функцию онтологической сцены, на которой происходят распознавание, архивирование и актуализация субъекта. Цифровое «Я» существует до тех пор, пока его фрагменты сохранены, доступны и поддаются воспроизведению; удаление данных, будь то результат сознательного выбора пользователя или автоматизированное решение алгоритма, становится актом забвения, ведущим к исчезновению субъекта с цифровой сцены. В статье подчеркивается необходимость критического подхода к цифровым технологиям хранения информации. Подлинное отношение к технике требует внимания к эмоциональным и телесным аспектам опыта, недоступным технологическому архивированию, что поможет сохранить целостность бытия в условиях цифровой тотальности.

Ключевые слова: умная социальная память, архонт, трансформация памяти, метаверс, виртуальная реальность, цифровые технологии, ретроактивная онтология, онтоотехника

Для цитирования: Елхова, О. И. Умная социальная память как продуктивная сила метаверса / О. И. Елхова, Е. Ю. Макулина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 6. – С. 100-111. – DOI 10.37482/2687-1505-V479.

Original article

Smart Social Memory as a Productive Force of the Metaverse

Oksana I. Elkhova¹✉

Evgenia Yu. Makulina²

¹Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,

e-mail: oxana-elkhova@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5052-5935>

²Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,

e-mail: enuwka@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1433-395X>

Abstract. This article presents a philosophical analysis of smart social memory as an ontotechnical force shaping subjecthood and reality within the digital environment of the metaverse. In this context, memory loses its classical role as a repository of fixed past events. Instead, a new form of temporality emerges, where the past is constituted through the digital actualization of the present. The algorithmic nature of the digital environment renders the past multiple, editable and fluid, indicating a shift towards a retroactive ontology in which being is defined not by chronology but by digital representation. The concepts of digital, social, and smart social memory are differentiated. Smart social memory is conceived as a hybrid structure that merges algorithmic control with social and cultural orientation. It functions as an actor creating new subjecthood and exercising distributed power by regulating access to the past and determining its ontological relevance. Operating as a digital archon, smart social memory curates what is preserved or erased from collective perception. The authors propose the following thesis: “To be is to be registered in memory”. By integrating algorithmic processing, collective representation and personal experience, smart memory constitutes an ontological stage where subject recognition and actualization occur. The digital self exists as long as its data fragments remain accessible and reproducible; deletion – whether by user intent or algorithmic decision – becomes an act of forgetting. The article underscores the need for a critical approach to digital technologies, emphasizing the emotional and corporeal dimensions of experience that elude archiving, essential for maintaining existential integrity in a digitally saturated world.

Keywords: *smart social memory, archon, memory transformation, metaverse, virtual reality, digital technology, retroactive ontology, ontotechnics*

For citation: Elkhova O.I., Makulina E.Yu. Smart Social Memory as a Productive Force of the Metaverse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 6, pp. 100–111. DOI: 10.37482/2687-1505-V479

Введение

В последние десятилетия понятие «метавселенная» («метаверс») стремительно вошло в научный дискурс, став актуальным в силу интен-

сивного распространения цифровых технологий и виртуальной реальности. В условиях современности метаверс приобретает новое содержание и трактуется не только как технологический фено-

мен, но и как особый онтологический конструкт, требующий многоаспектного и междисциплинарного подхода к исследованию. Метаверс все чаще рассматривается как пространственно-временной континуум, в котором формируются качественно иные условия для существования и деятельности человека. По мере приближения метаверса к стадии практической реализации его философское осмысление все более актуально. Анализ умной социальной памяти в контексте метаверса открывает новые горизонты для понимания механизмов сохранения, актуализации и передачи коллективного опыта в условиях цифровой среды. Память традиционно воспринималась как хранилище знаний и воспоминаний о прошлом, однако с развитием информационных технологий и метаверса она приобретает новое, онтологическое измерение, становясь частью бытия в цифровой среде. Такая среда заставляет радикально переосмыслить саму сущность памяти, лишая ее прежней устойчивости и материальной укорененности. Память приобретает черты техногенной сконструированности, подвижной сетевой природы и алгоритмически опосредованной медиативности. В этом контексте умная социальная память, интегрированная в метаверс, утрачивает привязку к линейной темпоральности: прошлое в ней не просто сохраняется, но постоянно адаптируется, переписывается и реконструируется под воздействием алгоритмов машинного обучения и активности пользователей.

Цель настоящей статьи заключается в определении роли умной социальной памяти как продуктивной онтологической силы, формирующей цифровое бытие и новые модели субъективности в условиях развития метавселенной. Объектом исследования выступают процессы трансформации памяти в цифровой среде метавселенной, предметом – феномен умной социальной памяти в аспекте ее роли как продуктивной онтологической силы, создающей субъектность и реальность в цифровой среде метаверса.

В настоящее время в российской социально-философской мысли наблюдается устойчивый рост интереса к феномену памяти как ключевому измерению человеческого бытия в

условиях цифровой трансформации социальной реальности. Социальная память уже давно стала предметом фундаментальных исследований: с 1990-х годов защищены десятки диссертаций, в которых рассматриваются различные аспекты памяти – от ее пространственно-временной структуры и связи с идентичностью до диалектики воспоминания и забвения. Социальная память в современной философии ранее была подробно проанализирована нами [1]. Подобные исследования заложили основы понимания памяти как коллективного механизма сохранения и трансляции культурно значимого прошлого, который обеспечивает преемственность опыта и самопознание сообщества. С распространением Индустрии 4.0 и процессов цифровизации классические механизмы культурного наследования сталкиваются с вызовами глобальной сетевой среды и автоматизации. С одной стороны, цифровые технологии значительно расширяют возможности сохранения информации, с другой – алгоритмически управляемые системы формируют инфраструктуру обмена данными, функционирующую без непосредственного участия человека. В связи с этим возникает потребность в философском анализе новой формы памяти, способной объединить традиционные механизмы воспроизводства и цифровые инновации. В 2022 году мы предложили концепт «умная социальная память» как ответ на вызовы цифровой эпохи. Данный тип памяти представляет собой гибридную структуру, сочетающую ценности культурной преемственности и возможности алгоритмической обработки данных. Настоящее исследование развивает и уточняет ранее введенное понятие, продолжая начатую концептуальную линию. Основной акцент сделан на философском осмыслении процессов трансформации памяти и раскрытии ее онтологической роли в контексте развития цифровой реальности метавселенной.

Теоретическое ядро

Теоретико-методологические основы исследования. Методологической основой настоящего исследования является феноменологический подход, позволяющий представить умную

социальную память как форму воплощенного и медиатизированного переживания, возникающего в цифровой среде. В соответствии с феноменологической перспективой память формируется в момент восприятия и самораскрытия бытия существу через взаимодействие субъекта с цифровой средой. Метавселенная в этом контексте предстает не как симуляция физического мира, а как онтологическое пространство, в котором события памяти актуализируются как внутренне прожитые и значимые. Умная социальная память, встроенная в медиапоток и сенсорные каналы пользователя, становится элементом его онтологической структуры и принимает участие в формировании как субъектности, так и модусов присутствия в цифровом пространстве.

Теоретическую основу исследования составляют труды Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, в которых феномен рассматривается как способ проявления сущего в поле восприятия и сознания [2]. Важным методологическим ориентиром также выступают работы О.И. Елховой, посвященные феноменологии восприятия объектов виртуальной реальности [3, 4]. Для анализа умной социальной памяти применяется метод ретроактивной онтологии, поскольку в метавселенной память приобретает ретроактивный характер: формируется постфактум в зависимости от текущих запросов и алгоритмической логики. Прошлое здесь не столько сохраняется, сколько заново конструируется в цифровом настоящем, что подчеркивает его изменчивость. В исследовании используется концепция онтотехники Б. Стиглера, в рамках которой техника выступает не внешним инструментом по отношению к человеку, а соавтором бытия, определяющим условия формирования человеческой субъективности и опыта [5, 6]. Кроме того, применяется акторно-сетевая теория Б. Латура, позволяющая рассматривать умную социальную память как результат взаимодействия множества гетерогенных акторов, включая пользователей, алгоритмы, технические системы, визуальные и символические презентации. Умная социальная память в дан-

ном случае мыслится не как индивидуальное достояние или централизованная институция, а как сеть, в которой каждый элемент обладает агентностью. Подобная модель дает возможность выявить сетевую природу цифровой памяти, ее нелокализуемость и способность к постоянной адаптации и реконтекстуализации в рамках цифровой среды [7].

Метавселенная (метаверс): генезис понятия. Термин «метавселенная» (metaverse) впервые был введен писателем-фантастом Н. Стивенсоном в романе «Snow Crash», опубликованном в 1992 году [8]. Русскоязычное издание, вышедшее под названием «Лавина», появилось лишь в 2003 году [9]. В произведении описан масштабный виртуальный мир, существующий параллельно физической реальности. Люди, используя цифровые проекции – аватары, взаимодействуют друг с другом и формируют социальные связи, имитируя структуру реального общества. То есть Н. Стивенсон не только предлагает новую терминологическую новацию, но и закладывает ключевые параметры введенного им концепта. Метавселенная предстает как устойчивое цифровое пространство со своей структурой и внутренней логикой, тесно связанное с физическим миром: события в виртуальности оказывают влияние на реальность и наоборот. В подобной модели цифровая среда становится своеобразным вторым измерением человеческого существования. Примечательно, что именно в этом романе слово «аватар» впервые используется в современном значении – как цифровое воплощение личности.

Хотя сам термин «метавселенная» был впервые введен Н. Стивенсоном, интеллектуальные истоки понятия восходят к более ранним размышлениям о цифровом взаимодействии пользователей в едином цифровом пространстве. Сходные идеи появились еще в 1980-е годы в творчестве У. Гибсона, в частности концепция киберпространства. Так, в его романе «Neuromancer» («Нейромант») оформляется понимание киберпространства как концептуального предшественника метавселенной, возникает прообраз, под-

готовивший представление о существовании в цифровой среде как в «новом мире» и о возможности формирования устойчивых форм взаимодействия социума в нематериальной реальности [10]. Стоит отметить, что вплоть до 2020-х годов концепция метавселенной оставалась преимущественно футуристической, лишённой четкого определения. Существенный импульс развитию этой идеи был дан в 2021 году, когда крупнейшие технологические корпорации объявили о создании цифрового пространства нового типа, начав активно инвестировать в развитие инфраструктуры метавселенных, создавать платформы для цифрового взаимодействия [11]. Сегодня метаверс обозначает направление будущей цифровой культуры, требующее пристального философского осмысления как новая форма онтологического бытия.

Метавселенная и виртуальная реальность: онтологические различия. В настоящем исследовании используются два ключевых понятия – «метавселенная» и «виртуальная реальность», которые рассматриваются как различающиеся по своей онтологической и функциональной природе. Под метавселенной (метаверсом) понимается цифровое пространство, формирующее альтернативную реальность, где пользователь представлен в виде аватара и взаимодействует с другими субъектами и объектами. В отличие от виртуальной реальности метаверс обладает признаками непрерывности, онтологической устойчивости и социальной включенности. Он являет собой динамичную, постоянно обновляемую цифровую среду, тесно связанную с экономическими, культурными и коммуникативными процессами. Виртуальная реальность в данном контексте определяется как искусственно сконструированная цифровая среда, имитирующая физическое присутствие и взаимодействие с объектами. В противоположность метавселенной она может носить изолированный и несистемный характер, быть оторванной от устойчивых социальных контекстов и не включать в себя полноценно сформированную онтологическую структуру. Таким образом, метаверс интерпретируется как более стабильная и комплексная

форма цифрового бытия, тогда как виртуальная реальность представляет собой ограниченный и эпизодический модус взаимодействия человека с цифровой средой.

Виртуальная реальность может быть осмыслена как один из модусов проявления метаверса, обладающий рядом онтологических и функциональных особенностей. С точки зрения структурной включенности метаверс – целостная цифровая реальность, в рамках которой виртуальная реальность выступает фрагментом среды, обеспечивающим доступ субъекта к различным уровням цифрового взаимодействия. С онтологической точки зрения виртуальная реальность являет собой временно ограниченное и пространственно локализованное взаимодействие, в то время как метаверс обладает характеристиками непрерывности, устойчивости и внутренней связности, формируя единую онтологическую ткань цифрового бытия. В этом контексте виртуальную реальность можно рассматривать как эпизодический модус более широкой метаверсной структуры, выполняющий функцию инструмента или канала входа, но не тождественный ей по сущности. Если при этом под метаверсом понимать децентрализованную, социально активную и интегрированную цифровую систему, а под виртуальной реальностью – автономное и изолированное пространство, то между ними возникает принципиальное онтологическое различие. Например, виртуальная оффлайн-игра, не включенная в сетевое взаимодействие, не может рассматриваться как часть метаверса. Таким образом, виртуальная реальность становится частью метавселенной лишь при условии ее интеграции в устойчивую цифровую инфраструктуру, характеризующуюся онтологической целостностью, социальной динамикой и экономической активностью. В этом случае виртуальная реальность выступает как частное проявление метаверсного опыта, сохраняя ограниченность охвата и неполноту онтологического измерения.

Социальная, цифровая и умная социальная память: понятийное разграничение. В исследовании важно разграничивать три взаимосвя-

занных, но не тождественных понятия: «социальная память», «цифровая память» и «умная социальная память». Социальная память представляет собой коллективный механизм сохранения, трансляции и интерпретации прошлого, формирующийся в рамках культуры, традиций и институциональных практик, она основана на символической репрезентации событий, значимых для группы или общества и обеспечивает преемственность и идентичность. Цифровая память в отличие от социальной является технологически опосредованной системой хранения и обработки данных. Ее характерными чертами выступают количественная масштабируемость, машинная фиксация и возможность автоматизированного поиска, но без способности к самостоятельной интерпретации или адаптации содержания она выполняет вспомогательную функцию, сохраняя информацию в техническом виде. Умная социальная память – это точка пересечения социального и цифрового измерений, она существует как гибридная структура. Основанная на алгоритмически управляемых цифровых системах, она сохраняет культурную и социальную направленность. В отличие от простой цифровой умная социальная память не только хранит данные, но и участвует в их динамическом переосмыслении, адаптации и реконтекстуализации. В этой связке она выступает как активный актор формирования новой субъектности в цифровой среде. Умная социальная память, функционирующая в метаверсе, кардинально трансформирует само представление о времени и прошлом. В отличие от традиционных форм хранения памяти – архивов, памятников, исторических нарративов – цифровая память лишена стабильной темпоральной логики. Здесь прошлое постоянно подвергается алгоритмической переинтерпретации, адаптации к текущим пользовательским запросам и контекстам, память становится ретроактивной: она не воспроизводит прошлое, а конструирует его в настоящем.

Результаты

Переход от фиксированного прошлого к ретроактивной онтологии. В условиях метавселенной память перестает быть лишь внутренними воспоминаниями индивида, превращается в часть онтологии виртуального мира, его элемент, определяющий, что в нем присутствует и как он функционирует. Данные, записанные в цифровой среде, существуют объективно внутри метавселенной и влияют на дальнейшее развитие событий. Можно сказать, что память в метаверсе встроена в саму реальность: прошлое, зафиксированное в коде и данных, оказывается частью «вещного» мира. Таким образом, происходит смещение: память больше не принадлежит только субъективному воспоминанию и приобретает онтологический статус, становясь частью ткани виртуального бытия. Индивидуальный опыт пользователя в метаверсе фиксируется в хранилищах данных и алгоритмических системах, превращаясь во внешнюю техническую память, которая становится активным элементом формирования цифровой реальности.

Все это приводит к формированию ретроактивной онтологии – концептуальной модели, в которой прошлое не рассматривается как зафиксированная и неизменная данность. Напротив, оно возникает как результат настоящей актуализации и пересборки. В такой онтологической перспективе стираются границы между фактическим и возможным: то, что воспринимается как прошлое, формируется постфактум через интерпретации, медиатизированные события и действия технологических агентов. Ключевая идея данной модели заключается в следующем: быть в прошлом означает быть реконструированным настоящим, что делает память не инструментом хранения, а активным механизмом производства реальности. Память становится распределенной и многослойной, поддерживаемой различными агентами. Подобная трансформация находит теоретическое обоснование в акторно-сетевой теории Б. Латура, где знание, память и социальное действие рассматриваются как продукты взаимодей-

ствия гетерогенных акторов в распределенной сети. В данном контексте память мыслится не как внутреннее, психологически локализованное состояние, а как результат сетевой конфигурации, в которой действуют люди, технологии, объекты и символические коды в едином медиальном поле [12].

Постижение роли умной социальной памяти в техногенной среде метаверса требует обращения к концепции онтотехники Б. Стиглера, раскрывающего неразрывную связь техники и памяти как фундаментального условия человеческого бытия. Память с таких позиций превращается в условие возможности опыта в цифровой среде – истинно онтотехнический фактор бытия в метаверсе. Техническое является средством протекания самого становления бытия, а память – медиатором между человеком и технологическим миром. «Техника не есть внешний по отношению к человеку инструмент: она и есть та среда, в которой разворачивается и изменяется человеческое бытие», – подчеркивает Б. Стиглер [13, с. 17]. Согласно онтотехнике, технологии не просто инструменты в распоряжении человека, а глубинные условия формирования человеческого бытия и опыта. Б. Стиглер, развивая идеи А. Леруа-Гурана и опираясь на размышления М. Хайдеггера и Ж. Дерриды, отмечает, что человек дополняет техникой человеческое «Я» и коллективное «Мы» через внешние технические системы памяти [14].

Центральным понятием в теории Б. Стиглера является терциарная ретенция (внешний по отношению к индивиду носитель памяти). Первичная ретенция относится к мгновенному восприятию, вторичная – к воспоминаниям в уме, а терциарная представляет собой все то, на чем память закреплена вовне: от рисунков на скалах и книг до жестких дисков компьютеров [15]. Проецируя данную концепцию на метавселенную, можно утверждать, что она представляет собой гипертрофированную систему терциарных ретенций. Каждый аспект опыта в метаверсе опирается на техническую цифровую память, поскольку аккаунты, настройки,

логины, пароли и другие виртуальные объекты хранятся на серверах; без этого обеспечения памятью невозможно было бы ни продолжение присутствия пользователя в виртуальном мире, ни узнавание его другими. По мысли Б. Стиглера, человек определяется тем, что хранит свою память «вне себя», поскольку его существование изначально обращено вовне [15, с. 157–163]. В метавселенной это «вне себя» расширено до тотальной информационной среды. Вместе с тем технологии, лежащие в основе умной социальной памяти, не просто обслуживают пользователя, но активно участвуют в формировании его цифровой идентичности и конструировании окружающей среды метаверса. Таким образом, умная социальная память выступает онтотехническим основанием бытия в метавселенной и представляет собой необходимое условие для поддержания устойчивого присутствия субъекта в альтернативной цифровой реальности.

Архонты цифрового мира: умная социальная память как производящая сила метаверса. В цифровых пространствах память приобретает продуктивную функцию, становясь не просто механизмом хранения, а активным фактором формирования реальности. Так, Ж. Деррида в работе «Archive Fever: A Freudian Impression» («Архивная лихорадка: фрейдистское впечатление») подчеркивает, что структура технического архивирования влияет на характер хранимого содержания и даже определяет его возникновение [16]. Архив, по представлению философа, не только фиксирует событие, но и участвует в его порождении. Ж. Деррида отмечает властную природу архивирования: тот, кто обладает контролем над архивом, управляет и производством смыслов. В этом контексте он вводит понятие архонта – субъекта, определяющего, что подлежит сохранению и интерпретации. В условиях метавселенной данная идея получает буквальное воплощение. Память утрачивает статус нейтрального отражения прошлого и превращается в активный механизм конструирования цифровой реальности. Умная социальная память, а также алгоритмы

и платформы, на которых она основана, фактически выполняют функцию архонтов. Такие системы не ограничиваются простым хранением данных, а участвуют в формировании архитектуры реальности, определяя, какие образы прошлого будут воспроизводиться, а какие окажутся за пределами видимого. Примеры таких процессов можно увидеть в напоминаниях о годовщинах событий или в автоматическом удалении контента. Подобные практики иллюстрируют появление границы между тем, что остается в поле внимания, и тем, что уходит в цифровое забвение. В метавселенной умная социальная память действует как технологически организованный механизм, формирующий основания цифрового бытия. Она постоянно анализирует информацию о прошлом, чтобы генерировать потенциальные сценарии будущего. Алгоритмы, ориентируясь на поведенческий опыт пользователя, определяют, какой контент будет создан в дальнейшем и какие возможности взаимодействия будут открыты.

В конечном итоге метавселенная представляет собой интеллектуально адаптивную среду, где каждое действие пользователя фиксируется и используется для настройки взаимодействия. Умная социальная память становится активным агентом, создающим не только индивидуальный опыт, но и социальную реальность. Документированное прошлое приобретает статус факта, к которому обращаются новые поколения пользователей. Память включается в онтологию метаверса, формируя его историческую и мифологическую ткань.

Таким образом, концепция архонта получает в условиях метаверса новую трактовку: вместо субъекта – хранителя архива выступает алгоритмическая инстанция цифровой власти. Она регулирует, какие элементы подлежат сохранению, какие считаются значимыми, а какие исключаются. Архонт трансформируется в управляемого агента, определяющего конфигурацию памяти и, следовательно, структуру присутствия в метаверсе. Значимость действий, событий и самих субъектов обуславливается степенью их сохраненности в цифровом архиве. То, что не за-

фиксировано, оказывается исключенным из онтологического поля. Алгоритмы ранжирования и модерации, действующие на цифровых платформах, фактически выполняют функцию архонтов, т. е. формируют доступ пользователя к памяти, контролируя, какие элементы остаются доступными, а какие исчезают, будь то удаленный контент или информация, утратившая доступность. Следовательно, память в метаверсе представляет собой поле символической борьбы, где конкурируют версии прошлого, претендующие на право определять реальность.

Бытие как регистрация в памяти. Работы М. Хайдеггера позволяют глубже осмыслить онтологический статус памяти в эпоху техники. В эссе «Вопрос о технике» он подчеркивает, что современная технология изменяет способ раскрытия бытия в мире, превращая все сущее в ресурс, доступный для использования. Применительно к памяти это означает, что в рамках технологического мировоззрения прошлое утрачивает экзистенциальную глубину и воспринимается утилитарно – как набор данных, подлежащих хранению, извлечению и обработке [17]. Интересное развитие идей М. Хайдеггера предлагает Дж. Габриэль: «Современная технология – это Dasein, у которого заканчивается собственная память и которое вынуждено производить все более информационно-насыщенные устройства, чтобы осмыслить свой мир» [18]. Человечество, накопив огромное количество знаний, оказалось неспособным сохранять их традиционными способами, поэтому было вынуждено создавать средства для хранения и обработки информации. Виртуальные миры стали естественным продолжением данной тенденции, поскольку память выносятся во внешние «облака» не из прихоти, а как ответ на возрастающую сложность реальности. Однако, по мнению Дж. Габриэля, парадокс заключается в том, что эти технологии еще больше усложняют действительность, вызывая эффект «перегруженности памятью».

Со своей стороны подчеркнем, что человек в метавселенной оказывается зависимым

от «умной» обработки информации (фильтров, поисковых алгоритмов, искусственного интеллекта), которая помогает ориентироваться в лавинообразном потоке данных. Мир предстает как гигантская система памяти (*gigantic memory system*), где бытие соотносится с регистрацией в памяти: быть – значит быть зафиксированным в цифровом архиве. Если в своих исследованиях М. Хайдеггер отмечает, что в эпоху техники человек сам определяет себя как ресурс, «поставляя» себя на учет техносреде, то в цифровом обществе такое состояние приобретает всеобъемлющий характер: каждый оставляет следы своей активности, превращаясь в поставленный в распоряжение ресурс (*standing-reserve*), фонд для будущего использования. Даже личная память передается во внешнее управление технике: мы полагаемся на уведомления, календари, фотоархивы для сохранения идентичности и воспоминаний.

Предложенная нами формула «быть – значит быть зарегистрированным в памяти» не столько фиксирует сам феномен технологической медиатизации опыта как процесс, в котором восприятие и действие все в большей степени опосредуются цифровыми медиа, сколько указывает на радикальную трансформацию онтологической структуры субъекта в условиях цифрового бытия. В метаверсе, где онтологические координаты задаются алгоритмическими структурами, фиксация в памяти приобретает статус условия присутствия. Регистрация предстает не как простое занесение информации в базу данных, а как акт, наделяющий субъекта онтологической значимостью, признаваемой и платформой, и другими участниками цифровой среды. Цифровая регистрация становится формой онтологического акта: если субъект не зафиксирован в алгоритмически управляемой памяти, он не может быть воспринят, опознан или интерпретирован.

Память в метаверсе выполняет функцию онтологической сцены, где только зафиксированное получает возможность проявиться в бытии. При этом речь идет не о памяти как исключительно машинной или технической функции, а об особом гибридном феномене умной социаль-

ной памяти, возникающем на стыке индивидуального опыта, коллективной репрезентации и алгоритмически опосредованных процедур хранения, репликации и актуализации. Человек из этого процесса не устраняется, а становится со-автором онтологической сцены, поскольку его действия, намерения и восприятия структурируют и активируют механизмы цифрового запоминания, делая память не просто инструментом, но пространством соприсутствия субъектов и технологий. В условиях, когда самоосознание, идентичность, социальная вовлеченность и историческая укорененность формируются через интерфейсы и цифровые следы, отсутствие регистрации в памяти оборачивается формой исключения из реальности и утраты присутствия в символическом поле метавселенной. Технически опосредованная память задает как эпистемологические, так и онтологические границы допустимого существования. Быть вне регистрации – значит и быть забытым, и не признанным как субъект. В метаверсе это вызывает зависимость от постоянного архивирования действий, эмоций и высказываний. Цифровое «Я» существует, пока его фрагменты сохранены и воспроизводимы. Удаление данных (сознательное или алгоритмическое) равносильно забвению и исчезновению субъекта. Онтология метаверса определяется памятью как инструментом и хранения, и конструирования реальности. Регистрация фиксирует факт, архивирование делает его реальным, а забвение исключает из онтологического поля.

В современном контексте одной из ключевых проблем, обозначенных еще М. Хайдеггером, остается поиск подлинного отношения к технике, при котором человек сохраняет самоотнесенность и внутренний суверенитет в условиях технологического доминирования. С развитием умной социальной памяти в метаверсе эта проблема обостряется. Встроенная в цифровую инфраструктуру, умная социальная память не только передает информацию, но и формирует образы прошлого как завершенную и неоспариваемую реальность. Поэтому особенно важно воспринимать такие образы как результат алгоритмического отбора, требую-

ций критической интерпретации. Подлинное отношение предполагает внимание к тем аспектам человеческого опыта, эмоциональным и телесным, которые остаются вне досягаемости технологического архивирования. Сохранение этого измерения позволяет человеку не раствориться в цифровой тотальности, но сберечь свободу и целостность бытия в эпоху всепроникающей техники.

Выводы

Исследование успешно достигло поставленных целей, заключающихся в определении роли умной социальной памяти как продуктивной онтологической силы, формирующей цифровое бытие и новые модели субъективности в условиях развития метаверса. На основании проделанной работы можно сделать следующие выводы:

1. Метавселенная (метаверс) может быть концептуализирована как целостная, устойчивая и непрерывная цифровая среда, характеризующаяся высокой социальной активностью и включенностью. В ее пределах формируется альтернативная реальность, в которой пользователь существует в виде аватара и коммуницирует с субъектами и объектами в различных модулях цифрового взаимодействия.

2. Виртуальная реальность в отличие от метаверса представляет собой автономную

имитационную среду, которая ограничена по масштабу и времени и может быть включена в метаверс лишь при интеграции в устойчивую цифровую инфраструктуру, оставаясь его частным и ограниченным проявлением.

3. Стоит разграничивать три взаимосвязанных, но онтологически различающихся понятия: *социальная память* – это коллективный механизм хранения и трансляции прошлого, основанный на культурных кодах и символических практиках; *цифровая память* – техническая система накопления данных, лишенная интерпретативной функции; *умная социальная память* – гибридная структура, объединяющая алгоритмическое управление с социальной направленностью и выступающая активным актором формирования цифровой субъектности.

4. В метавселенной происходит сдвиг в понимании памяти: прошлое утрачивает фиксированность и превращается в динамическую конструкцию, возникающую посредством цифровой актуализации настоящего (ретроактивная онтология). Умная социальная память перестает быть пассивным архивом и становится архонтом цифрового мира, т. е. продуктивной онтологической силой, участвующей в формировании субъектности.

Список литературы

1. Макулина Е.Ю. Тематический анализ проблематики социальной памяти в современной социальной философии: хранение и транслирование смыслов и значений культуры в информационном обществе, «умная социальная память» // О-во: философия, история, культура. 2022. № 8(100). С. 77–82. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.12>
2. Hopkins B.C. Deformation and Phenomenon in Husserl and Heidegger // Heidegger, Translation, and the Task of Thinking / ed. by F. Schalow. Dordrecht: Springer, 2011. P. 49–69.
3. Елхова О.И. Метрики феноменологического виртуального опыта // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Философия. 2024. Т. 28, № 4. С. 997–1013. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-997-1013>
4. Елхова О.И. Феноменология восприятия виртуальной реальности // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2024. Т. 24, № 5. С. 97–106. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V378>
5. Стиглер Б. Время чтения и новые инструменты памяти // Лаканалия. 2019. № 32. С. 142–166.
6. Подорога Б.В. Краткий очерк истории мнемотехник Бернарда Стиглера // Омск. науч. вестн. Сер.: О-во. История. Современность. 2020. Т. 5, № 4. С. 42–47.
7. Latour B. On Actor-Network Theory. A Few Clarifications Plus More Than a Few Complications // Soziale Welt. 1996. № 47. P. 369–381.
8. Stephenson N. Snow Crash. N. Y.: Bantam Books, 1992. 440 p.

9. *Стивенсон Н.* Лавина / пер. с англ. А.А. Комаринец. М.: АСТ, 2003. 446 с.
10. *Gibson W.* Neuromancer. N. Y.: Ace Books, 1984. 271 p.
11. *Hern A.* Mark Zuckerberg's Metaverse Vision Is Over. Can Apple Save It? // *The Guardian*. 2023. 21 May. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2023/may/21/mark-zuckerbergs-metaverse-vision-is-over-can-apple-save-it> (дата обращения: 01.04.2025).
12. *Latour B.* Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. 301 p.
13. *Stiegler B.* *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1998. 280 p.
14. *Crogan P.* Technics of Memory and Life: Bernard Stiegler in Memoriam // *Theory Cult. Soc.* 2020. 18 Aug. URL: <https://www.theoryculturesociety.org/blog/news-technics-of-memory-and-life-bernard-stiegler-in-memoriam> (дата обращения: 01.04.2025).
15. *Stiegler B.* *Technics and Time, 3: Cinematic Time and the Question of Malaise*. Stanford: Stanford Univ. Press, 2010. 312 p.
16. *Derrida J.* Archive Fever: A Freudian Impression // *Diacritics*. 1995. Vol. 25, № 2. P. 9–63. <https://doi.org/10.2307/465144>
17. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет. М.: Республика, 1993. С. 224–225.
18. *Gabriel J.* Heidegger on Technology // *Medium*. 2023. 10 May. URL: <https://medium.com/@jgab3103/heidegger-on-technology-7a85def9531c> (дата обращения: 01.04.2025).

References

1. Makulina E.Yu. Thematic Analysis of the Problems of Social Memory in Modern Social Philosophy: Storage and Transmission of the Meanings and Significance of Culture in the Information Society, “Smart Social Memory”. *Soc. Philos. Hist. Cult.*, 2022, no. 8, pp. 77–82 (in Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2022.8.12>
2. Hopkins B.C. Deformalization and Phenomenon in Husserl and Heidegger. Schalow F. (ed.). *Heidegger, Translation, and the Task of Thinking*. Dordrecht, 2011, pp. 49–69.
3. Elkhova O.I. Metrics of Phenomenological Virtual Experience. *RUDN J. Philos.*, 2024, vol. 28, no. 4, pp. 997–1013 (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-997-1013>
4. Elkhova O.I. Phenomenology of Virtual Reality Perception. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 5, pp. 97–106. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V378>
5. Stiegler B. *Vremya chteniya i novye instrumenty pamyati* [Reading Time and New Memory Tools]. *Lakanaliya*, 2019, no. 32, pp. 142–166.
6. Podoroga B.V. Essay on Bernard Stiegler's History of Mnemotechnics. *Omsk Sci. Bull. Ser. Soc. Hist. Mod.*, 2020, vol. 5, no. 4, pp. 42–47 (in Russ.). <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2020-5-4-42-47>
7. Latour B. On Actor-Network Theory. A Few Clarifications Plus More Than a Few Complications. *Soziale Welt*, 1996, no. 47, pp. 369–381.
8. Stephenson N. *Snow Crash*. New York, 1992. 440 p.
9. Stephenson N. *Snow Crash*. New York, 1992. 440 p. (Russ. ed.: Stivenson N. *Lavina*. Moscow, 2003. 446 p.).
10. *Gibson W.* *Neuromancer*. New York, 1984. 271 p.
11. *Hern A.* Mark Zuckerberg's Metaverse Vision Is Over. Can Apple Save It? *The Guardian*, 21 May 2023. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2023/may/21/mark-zuckerbergs-metaverse-vision-is-over-can-apple-save-it> (accessed: 1 April 2025).
12. *Latour B.* *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford, 2005. 301 p.
13. *Stiegler B.* *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*. Stanford, 1998. 280 p.
14. *Crogan P.* Technics of Memory and Life: Bernard Stiegler in Memoriam. *Theory Cult. Soc.*, 18 August 2020. Available at: <https://www.theoryculturesociety.org/blog/news-technics-of-memory-and-life-bernard-stiegler-in-memoriam> (accessed: 1 April 2025).
15. *Stiegler B.* *Technics and Time, 3: Cinematic Time and the Question of Malaise*. Stanford, 2010. 312 p.
16. *Derrida J.* Archive Fever: A Freudian Impression. *Diacritics*, 1995, vol. 25, no. 2, pp. 9–63. <https://doi.org/10.2307/465144>

17. Heidegger M. Vopros o tekhnike [The Question Concerning Technology]. Heidegger M. *Raboty i razmyshleniya raznykh let* [Works and Contemplations of Different Years]. Moscow, 1993, pp. 224–225.

18. Gabriel J. Heidegger on Technology. *Medium*, 10 May 2023. Available at: <https://medium.com/@jgab3103/heidegger-on-technology-7a85def9531c> (accessed: 1 April 2025).

Информация об авторах

О.И. Елхова – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий (адрес: 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32).

Е.Ю. Макулина – аспирант кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

Information about the authors

Oksana I. Elkhova, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of Philosophy and Cultural Studies, Ufa University of Science and Technology (address: ul. Zaki Validi 32, Ufa, 450076, Russia).

Evgenia Yu. Makulina, Postgraduate Student, Philosophy and Sociology Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 29.04.2025
Одобрена после рецензирования 13.08.2025
Принята к публикации 25.08.2025

Submitted 29 April 2025
Approved after reviewing 13 August 2025
Accepted for publication 25 August 2025